

Григорий Родственников

999-ЫЙ

ФЭНТЕЗИ, МИСТИКА, СКАЗКИ

Григорий Родственников
999-ый (сборник)

«Издательские решения»

2015

Родственников Г.

999-ый (сборник) / Г. Родственников — «Издательские решения», 2015

Перед вами не книга, а дверь в волшебную страну, полную тайн, загадок и парадоксов. И неважно, сядете ли вы вместе с его героями в призрачный поезд, полный мрачных воспоминаний (Экспресс в пути), или окажетесь с ними на пестром карнавале, где соблазны берут верх над осмотрительностью (Маскерад). А может, просто случай превратит вас во всемогущего халифа (Подарок судьбы), и вы узнаете, что такое абсолютная власть. Доверьтесь своему воображению и любопытству, откройте книгу, начните путешествие.

© Родственников Г., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Рассказы	6
999-ый	6
Старик и попугай	9
29 февраля	15
Дама в черном	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

999-ый
фэнтези, мистика, сказки
Григорий Родственников

© Григорий Родственников, 2015

© Александр Разгуляй, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Рассказы

999-ый

Из цикла «Хранители»

Двор был на редкость старым и неухоженным. Безликие коробки домов, одинаково серые и облупившиеся, напирали на крошечный островок изъеденного седого асфальта, местами поросшего бурым мхом. Ветер листал обрывки газет, шуршал рваными полиэтиленовыми пакетами, подбрасывал вверх ворох опавших листьев и ерошил растрепанную шевелюру ржавого мусорного контейнера. Мусор был всюду. Органический и неорганический, металлический и стеклянный, крупногабаритный и не очень. Остатки рубероида, полупустые мешки с цементом, битый кирпич. Нестерпимо несло тухлыми яйцами и продуктами человеческой жизнедеятельности.

Недалеко от мусорного бака, в чреве невысокой арки лежал старый больной пес. Он сам походил на мусор. Тусклые глаза слезились, шерсть наполовину вылезла, обнажив многочисленные гниющие язвы. На широкой лысой голове зияла огромная уродливая рана и в ней неторопливо и деловито копошились жирные опарыши.

Немногочисленные прохожие были вынуждены проходить мимо этого живого трупa, и по брезгливым лицам можно было прочесть их крайнюю степень недовольства. Но пес не покидал арку, ибо это было частью сделки. Сделки, на которую он пошел намеренно и добровольно.

Мимо него прошла дородная важная дама с маленькой вертлявой дочкой. Девочка ткнула в пса пальчиком и закричала:

– Мама, смотри какая страшная собака!

Однако женщина поспешно схватила чадо за руку и прошипела:

– Фу, какая мерзость! Нельзя к ней подходить – она заразная!

Пес тоскливо проводил взглядом людей и тяжело вздохнул словно человек. Где-то в вышине прозвучал голос с нескрываемым ехидством:

– Девятьсот восемьдесят, однако.

Но пес не обратил на голос никакого внимания. Он внутренне напрягся, ибо вдалеке показался еще один человек.

Человек был изрядно выпивши, ноги заплетались. Он бы прошел мимо, не заметив больное животное, но пес громко заскулил, вложив в свой вой всю гамму вселенской тоски.

Человек остановился, покачнулся, с ухмылкой взглянул на дворнягу, пожевал губами и вдруг смачно плюнул.

Пенистая тягучая слюна угодила точно в рану на голове – потревоженные опарыши недовольно заворочались. Пес затряс головой, а пьяница довольно захохотал и двинулся прочь.

Голос в вышине не смог подавить смешок:

– Сочувствую тебе, Рахмиэль. Девятьсот восемьдесят один.

На этот раз пес ответил:

– Ты поступил бесчестно. Мой внешний вид страшит людей и вызывает у них отвращение.

Он не раскрыл пасть, а лишь угрюмо положил лобастую голову на тощие лапы, но тот, к кому он обратился, прекрасно его слышал.

– Никакого обмана! Твой облик, место и время определяю я – таковы были условия сделки. Но поскольку ты заговорил о справедливости – я делаю вывод, что ты на пределе. Признай свое поражение, зачем попусту мерзнуть и подвергаться унижениям? Ты сам видишь, что проиграл.

– У меня еще девятнадцать попыток.

– Тебя уже девять раз били, швыряли окурки, оскорбляли и оплёвывали – неужели тебе не надоело? Этот мир жесток, полетели в другой, и может, тебе повезет.

– Я пойду до конца.

К подворотне подошла ватага подростков.

– Жаль. – прошелестел голос, – Мне кажется, это худшие представители человеческой расы.

– Гляньте, какое чудовище! – закричал один из мальчишек. – Вот так урод!

– Бейте монстра! – вторил другой. Он поднял кусок кирпича и запустил в дворнягу. Остальные последовали его примеру.

В пса полетели камни и пустые бутылки. Он вскочил, заметался, грозно залаял. Один из камней угодил в нос, животное оглушительно взвизгнуло.

– Видели! – захохотал парень. – Точно в лобешник!

– Сейчас мы прикончим эту тварь!

Но пес неожиданно исчез.

– Куда он делся? – удивились хулиганы.

– В подворотню, наверное, юркнул.

– Вот гадина, развлечься не дал!

– Побежали! Может, догоним!

Когда подростки ушли – пес вернулся на прежнее место.

– Ты нарушил договор. – строго произнес голос. – Ты не должен покидать обозначенный периметр.

– Я не покидал. – Возразил пес. – Я лишь стал невидим для детей.

– Детей? – рассмеялся собеседник. – Хороши детишки! А вообще, мне нравится темный потенциал этого мира. Мы развернемся здесь, когда ты проиграешь. Я прощаю тебя. Но учти – это было первое предупреждение – второго не будет! Девятьсот восемьдесят шесть.

– Я помню...

В течение получаса прошло еще семь человек. Один из них – сухой старик, показался Рахмиэлю подходящим кандидатом. Он доверчиво подошел к нему и приветливо завилял хвостом. Но старик неожиданно зло выругался и огрел его палкой по спине.

– Девятьсот девяносто три. – бесстрастно констатировал голос.

На город медленно опускалась ночь. Усилился ветер. Яркая трещина молнии на мгновение изуродовала небосвод. По асфальту застучали крупные капли дождя. Несколько девчонок с визгом пронеслись мимо.

– Девятьсот девяносто восемь.

– Останови дождь! – взмолился пес. – Это нечестно!

– Ты зря думаешь, что я использую такие дешевые методы. В это время года дожди не редкость. Мне очень жаль, Рахмиэль, но у тебя осталось лишь две попытки. Меня смешит твое упорство. Столько пережить ради такого дряного мира...

В этот момент мусорный контейнер качнулся. Внутри него возникло какое-то движение, послышались глухие утробные звуки. И над поржавевшим бортом показалась опухшая человеческая физиономия. Мужчина был грязен и бородат. Страхнув с волос яичную скорлупу, он, кряхтя стал выбираться наружу, при этом, не переставая браниться на некстати разошедшийся дождь.

Движения его были неуклюжи и замедленны. Коснувшись земли, он упал на четвереньки и простонал:

– Ох, вы ноги – мои ноги!

Шмыгнул мясистым багровым носом, тяжело поднялся и вдруг увидел пса.

– Батюшки! – воскликнул человек. – Бедная собачка! Как же тебя так угораздило?! Живого места нет!

Он с жалостью смотрел на пса, а пес смотрел на него с нарождающимся ликованием – он уже понял, что победил.

Бродяга, покачиваясь, подошел к Рахмиэлю, извлек из кармана засаленной толстовки завернутый в фольгу бутерброд, аккуратно развернул, отломил половину и протянул псу.

– Откуда он взялся? – поразился голос.

– Похоже, он был здесь с самого начала. – Отозвался Рахмиэль, жадно вгрызаясь клыками в плесневелую копченую колбасу.

– Тебе опять повезло, – вздохнул голос, – Это немыслимо, какое-то дьявольское везение. Ой! Прости, прости, Рахмиэль – случайно вырвалось! Хи-хи! Что же – уговор есть уговор. Ты отыграл для этого мира еще сто лет. Надеюсь, в следующую нашу встречу – повезет мне...

Голос стал удаляться. В шуме дождя, в вое ветра уже с трудом можно было разобрать еле уловимый шепот:

– Везение... чистое везение, невероятно...

Человек ласково гладил пса по голове, трепал за ушами и улыбался беззубым ртом.

Следовало отблагодарить его.

Рахмиэль слегка отодвинулся в сторону и человек увидел под брюхом пса толстый бумажник.

– Что это?!

Бродяга трясущимися руками схватил кошелек, открыл и охнул:

– Мать честная!

Дрожа всем телом, он заковылял к ближайшему уличному фонарю и там, подслеповато щурясь, нетерпеливо принялся пересчитывать деньги. Бездомный нищий смеялся и плакал:

– Господи! Наконец повезло! Счастье-то какое!

Бродяга не видел, что больной пес исчез. В темной подворотне стоял золотоволосый юноша в блистающих белых одеждах. Он улыбнулся, взмахнул руками и взлетел в темное, плачущее дождем небо.

– Спасибо тебе, 999-й, и прощай...

31. 03. 14.

Старик и попугай

Из цикла «Хранители»

Попугай капитана Берроуза внезапно разучился говорить. Впрочем, и в лучшие свои времена хохлатый пересмешник редко баловал хозяина более-менее осмысленной человеческой речью, предпочитая утонченной беседе пересчитывание денег, и всегда по одной монете – «Пиастррра! Еще пиастррра!».

А случилось сие досадное происшествие на острове Хайрем, в веселом месяце мае, когда пальмы склоняли лохматые головы под тяжестью созревших плодов, а горячее тропическое солнце с жадностью умирающего от жажды верблюда, выпивало реки на много миль вокруг и ощупывало жаркими руками льняные навесы над колодцами, стремясь дотянуться до вожденной влаги.

Капитан Берроуз вытер пот со лба, посетовал на адское пекло и, посадив попугая на локоть, пошел по сухим улицам славного городка Алермо, напрямик в ближайшую таверну. Город гудел как пчелиный улей. Под бурыми крышами висели розовые, а кое-где и с фиолетовым оттенком тени. Белые пятна – женские одежды в длинных складках, гуси, тарелки – мельтешили перед глазами. Где-то там, за стенами, вздымалось и шумело море, и, должно быть, оставляло после себя на песке плоскую пену, тысячи лопнувших пузырьков. В соленом и светлом воздухе, дрожала и млела выгоревшая на солнце трава.

«Странно, за весь день я видел только одну лужу, да и ту – возле фонтана перед домом губернатора» – подумал капитан Берроуз и сглотнул слюну. Только владыка острова может позволить себе такую роскошь – изящное, низвергающее серебро живой влаги, сооружение. А ведь когда-то губернатор Мальдаро был такой же безродный моряк, вместе они открыли этот чудесный остров, вместе основали колонию, вместе строили первый дом для переселенцев. Когда же это было? Лет сорок назад. Сейчас Алермо не узнать – вырос, раздобрел и только он, Берроуз, по-прежнему перебивается с хлеба на воду и лишь раз в неделю может позволить себе пропустить стаканчик кислого вина. Старик вздохнул, почмокал пересохшими губами и невесело усмехнулся своим мыслям.

Неожиданно попугай завожился, царапая руку сквозь сюртук. Берроуз пересадил его с левого локтя на правый и пошел дальше.

И тут дорогу ему загрозила прекрасная девушка, лет юных и бережных. Подбоченясь она воскликнула:

– Раздери меня якорь, да это же славный папочка Берроуз!

Капитан прищурился и сказал:

– Что-то я не помню тебя, чадо.

Она представилась, приложив загорелую, как нежный картофель руку к не менее картофельному личику:

– Я Изабелла Дронсон, и я здесь для того, чтобы отвести самого лучшего капитана архипелага в самые лучшие комнаты!

– Бывшего капитана, – нахмурился Берроуз, – Все в прошлом, детка.

– Настоящего. – жемчужные зубки блеснули на солнце. – Все жители архипелага помнят ваши заслуги. Губернатор устраивает празднество в вашу честь. Пойдемте со мной, капитан.

На глазах старика блеснули слезы. «Старина Мальдаро, ты все-таки не забыл про меня».

Попугай занервничал, закружился на месте, потом вспорхнул на плечо хозяина, ткнулся холодным клювом в загорелое ухо и произнес:

– Не ходи...

– Кыш, глупая птица. – дернул головой Берроуз. Ему вдруг стало стыдно за своего питомца. Он даже не удивился, что тот внезапно заговорил. А вдруг девушка слышала?

Но та лишь заразительно рассмеялась.

– Какой у вас очаровательный попугайчик.

– Да уж, – промолвил капитан. – Это очень старая птица. Он у меня, сколько себя помню.

В таверне было много народу. Но общий настрой Берроузу не понравился. Люди кричали, размахивали руками и грозили сжечь заведение вместе с хозяином. Тот стоял мрачный и злой, в смоляных глазах неприступная решимость, а нервные, поросшие черной щетиной пальцы ощупывали рукоятку пистолета за поясом.

– Что случилось, парни? – прокричал Берроуз.

К нему обернулись, заговорили разом:

– Проклятый Джеферсон дерет за пойло десять шкур!

– За стакан рома требует 20 пиастр!

– Сколько?! – поразился Берроуз. – Джеферсон, ты что сбрендил?!

– А что я могу сделать?! – прошипел хозяин. – Воды нет, колодцы пересохли! Дождя не было целую вечность! Я хотел закрыть таверну, так не хотят! А раз не хотят – пусть платят! Я сам позволяю себе лишь полкружки воды в день!

– Ах ты, жадная гадина! – взревел какой-то моряк, – Получи!

В голову Джеферсона полетела глиняная миска. Он уклонился, зло ощерился и рванул из-за кушака пистолет.

И тут раздался звонкий голос спутницы капитана:

– Славные граждане Алермо! Успокойтесь! Губернатор все знает! В этот час мы будем праздновать день рождения основателя нашего города – капитана Уильяма Берроуза!

«Вот дела, – смущенно подумал старик, – А ведь у меня и впрямь сегодня юбилей – семьдесят стукнуло».

– В честь этого великого человека, – вопила Изабелла Дронсон, – вам даруется совершенно бесплатно десять бочек доброго вина и пятнадцать бочек превосходного рома! Пейте, сколько можете выпить – сегодня ваш день!

Ее голос потонул в восторженном реве сотни глоток.

Берроуз озадаченно озирался по сторонам и счастливо жмурился, мимо него катили тяжелые просмоленные бочки, раздавался веселый хохот, его стукали по плечу и трясли руку. Кроме него только хозяин таверны Джеферсон имел ошалевший вид – он с трудом верил в неслыханную щедрость губернатора Мальдаро.

Попугай на плече Берроуза заметно нервничал, крутил головой и переминался с лапы на лапу.

Изабелла дернула хозяина таверны за рукав.

– Готова ли комната для виновника торжества?

– Комната? – тупо переспросил Джеферсон, облизал сухие губы и запоздало кивнул, – Конечно, мисс, сейчас все будет сделано.

Берроуз вежливо поддерживаемый под локоть девушкой кряхтя поднялся по высокой скрипучей лестнице в единственную в таверне комнату.

За ними следовал хозяин с двумя поварами. В довольно просторном помещении находился стол, два стула и широкая кровать. На кровати, покрытой легкомысленным голубым шелком, возлежал пушистый черный кот.

– Ах, ты! Брысь отсюда! – скомандовал Джеферсон.

Кот с заметной ленцой упруго спрыгнул на пол и неторопливо двинулся прочь. У самой двери он остановился и одарил попугая внимательным взглядом. Попугай в ответ слегка наклонил голову. Кот отвернулся и так же неспешно покинул комнату.

Поварята постелили на стол чистую скатерть, расставили бокалы.

Берроуз, не привыкший к такому вниманию, блаженно шурился и бормотал слова благодарности. Он уже был пьян, пьян от восторга и трогательного участия к своей персоне. Изабелла Дронсон, сидевшая напротив, громко смеялась и щедро наполняла вином его хрустальный кубок, поварята усердно сервировали стол изысканной снедью. Даже во сне бывший капитан не пробовал таких яств. Особенно ему понравился поросенок нежно шоколадного цвета и с темно-копченым яблочком во рту. Маленькие блинчики с жирными краями тоже были хороши, а уж когда на них тонкой струйкой пролился манговый сироп!.. Розовые креветки с белыми прожилками, оставляли после себя во рту деликатный, чуть солоноватый, но и не без сладости вкус. Сочные вареники блестели майонезом – заморский десерт, к ним прилагалась ветвистая, довольно пушистая веточка свежее-зеленого цвета.

Уильям смеялся как ребенок, хватал сальными пальцами деликатесы и глотал, глотал почти не жуя. Время от времени в комнату вваливались пьяненькие горожане, шумно поздравляли с праздником и требовали, чтобы он выпил с ними. Уильям не отказывал никому. Стены и пол комнаты уже плыли перед его взором, подобно зыбким пустынным миражам, хохот белокурой спутницы звучал приглушенно и отдаленно. Он не замечал, что с его губ стекла и некрасиво засеребрилась на камзоле тягучая слюна, он не замечал ничего, глаза слипались, а голова словно гирия клонилась вниз. В тот момент, когда он тяжело свалился со стула на пол, Изабелла Дронсон нажала на неприметную пружинку на собственном перстне и высыпала в его кубок струйку беловатого порошка. Темное, словно венозная кровь, вино на мгновение взбурлило искрящейся пеной, но тут же успокоилось, растворив в себе убийственную добавку. Женщина хищно улыбнулась, наклонилась над посапывающим капитаном, похлопала по плечу и нежно промурлыкала:

– Милый, принесли нового вина. Мне кажется оно превосходно.

– Что? – Берроуз зашевелился, – Новое вино... Это я всегда пожал.. пожалуйста..., — неуклюже потянулся к столу.

В этот момент попугай, внимательно следящий за происходящим в комнате, вспорхнул на стол и резким ударом лапы низверг наполненный ядом фужер на пол. Погребальным колоколом взвыл разбитый хрусталь, багряные брызги щедро оросили белое платье Изабеллы Дронсон, а сама она выплюнула замысловатое ругательство и попыталась достать птицу кулаком.

Попугай взмыл к потолку и, примостившись на раскачивающейся деревянной люстре, настороженно следил за убийцей.

– Тварь! – выкрикнула женщина, лицо перекопилось от ярости. – Я прикончу тебя!

Дверь распахнулась. На лице Джеферсона беспокойство.

– Что случилось?!

Изабелла непринужденно рассмеялась.

– Наш дорогой капитан немного перебрал. Не поможете переложить его на кровать?

– Конечно, мисс. – Хозяин таверны ловко подхватил тощее тело Берроуза под мышки и сноровисто уложил на голубую шелковую подстилку, стащил с ног дырявые сапоги и шумно перевел дух.

– Спасибо. – Улыбнулась красотка. – Не стоит ему мешать. Пусть поспит. Пойдемте, мистер Джеферсон.

Дверь захлопнулась. Попугай какое-то время сидел, прислушиваясь, затем слетел с люстры и примостился в изголовье спящего. Старик бормотал во сне и блаженно улыбался. Птица нахохлилась и тихо вздохнула, совсем как человек.

Веселье продолжалось до глубокой ночи, пока последний самый стойкий любитель дармовой выпивки не уронил тяжелый подбородок на политый липким ромом стол. Таверна наполнилась полем боя – на столах, полу и даже массивной деревянной стойке храпели, сопели и хрюкали славные граждане Алермо. Суровый хозяин заведения до последнего старался не потерять достоинство и лицо, но в конечном итоге потерял и то и другое, и даже третье – собственные штаны, которыми он гонял расшалившихся поварят, впервые в жизни вкусивших хмельное вино. Джеферсон уснул ткнувшись носом в тарелку с кашей и издавал такое страшное рычание, что ему позавидовали бы свирепые леопарды. К счастью леопардов здесь не было, а были лишь уставшие от праздника, но счастливые горожане. На перепачканных бородастых лицах довольство и умиротворение.

В комнате для гостей было темно, никто не озаботился зажечь свечи на люстре. В небольшое квадратное окошко заглядывала знойная ночь и царапала открытые ставни ветвями деревьев. Было душно и жарко. По лицу Берроуза струился пот, но он не замечал этого, сопел и причмокивал во сне.

В углу белым призрачным пятном застыл попугай. Он ждал. Тихо скрипнула дверь. Хохолок на голове птицы встал дыбом.

Два желтых глаза блеснули во мгле.

Кот неторопливо пересек комнату и примостился под столом. Он тоже ждал. Тишина, нарушаемая лишь бормотанием спящего человека. Казалось время остановило свой бег.

Густой наполненный терпкими ароматами тропиков воздух обжигал горло, осязаемым липким покрывалом устилая черное безмолвие.

Попугай напрягся. Ему показалось, что он услышал неясный скрип. Нет, не показалось. Теперь он отчетливо слышал осторожные крадущиеся шаги. И он слишком хорошо знал, кто сейчас поднимается по высокой деревянной лестнице.

Птица и кот одновременно взглянули друг другу в глаза. Желтые фонари вспыхнули и погасли – кот отвернулся, но птица успела прочесть в них сочувствие. И тогда попугай устремился к приоткрытой двери, выскользнул наружу и замер.

Да, это была она – Изабелла Дронсон. Недавняя красота слетела с ее лица, словно яркий мотылек, оставив лишь восковую бледность. Губы плотно сжаты, а в прищуренных глазах холодная решимость убийцы. В руках она сжимает острый кинжал. Она поднимается все выше и выше, лишь несколько ступеней отделяет ее от комнаты, где в пьяном бреду стонет и беспокойно мечется на постели старый Уильям Берроуз...

– Я не дам тебе сделать это. – произносит попугай.

Женщина замирает. Мгновение смотрит на птицу с искренним недоумением, а потом заходится в громком хохоте. Рот кривится, обнажая острые зубки.

– Ты все-таки решился. Не думала, что ты окажешься, настолько глуп. Твоим хозяевам стоило бы подумать, прежде чем наградить тебя таким несерьезным обликом. Прочь, птичка, тебе не остановить меня.

– Ни с места, ведьма!

– Ты так стремишься умереть? Подумай, что станет с твоей душой, когда я убью тебя. Просто уйди. Что тебе этот ничтожный старик? Что тебе этот город? Он обречен. Мы с тобой из другого мира.

– Теперь этот мир мой. А мы со стариком одно целое. Я не дам тебе погубить город.

Изабелла Дронсон притворно вздохнула и вдруг без замаха полоснула кинжалом по воздуху, надеясь достать тщедушное тело птицы. Но попугай был начеку. Длинное лезвие погрузилось в лестничные перила, а острый клюв ударил в сверкающий злобой глаз женщины. Фонтан черной крови брызнул на стену. Вопль звериной боли и ярости сотряс таверну.

С обезображенным окровавленным лицом, превратившись в взбесившуюся фурию, бывшая красотка махала кинжалом, стремясь уничтожить своего врага. Внизу, в зале храпели и чмокали во сне пьяные люди, а над их головами шел смертельный бой. Капала кровь, летели белые перья, воздух был пропитан ненавистью.

Молнией сверкнул клинок отрубая когтистую лапку птицы. Попугай вскрикнул как человек, пронесся задевая потолок и пачкая его кровью, спикировал на голову убийцы, с трудом увернулся от холодного лезвия и вновь ринулся в бой.

Длинный кинжал, прочертив короткую кривую, переломил крыло, но не остановил атаку пернатого смельчака. Словно пушечное ядро врезался он в грудь белокурой убийцы. Удар был настолько силен, что женщина перелетела через перила и грохнулась на пол. Голова неестественно вывернулась, единственный глаз медленно стекленел – мертва.

Израненный попугай попытался ползти, но лишь нелепо завертелся на месте, оба крыла сломаны, лапа отсечена. Только сейчас он почувствовал невыносимую боль. Он поднял голову, взглянул на приоткрытую дверь на втором этаже и потерял сознание.

Черный пушистый кот неторопливо сбежал по лестнице, пихнул птицу лапой и, видя, что та не проявляет признаков жизни, аккуратно, но цепко ухватил зубами и так же не спеша потрусил наверх.

Темный квадрат неожиданно рассыпался на множество пазлов, сквозь прорехи вспыхнул яркий свет, боль в последний раз пронзила тело и отпустила.

Попугай открыл глаза, огляделся. Та самая комната в таверне. Только гораздо светлее, и немудрено – в маленькое окошко заглядывают первые лучи солнца. На кровати лежит Уильям Берроуз и улыбается во сне. Как хорошо, что он жив.

Но что это? Обе лапы целы, а ведь он отлично помнил, что ведьма отсекла одну кинжалом... И крылья... Он снова может летать.

– Я рад, что ты пришел в себя. – промурлыкал кот. Он примостился в самом углу комнаты и старательно вылизывал собственную шерсть. – Тебя изрядно помяли, я даже боялся, что не справлюсь.

– Так это ты вернул меня с того света? – удивился попугай. – Ну и силища у тебя. Почему же ты не помог мне остановить убийцу?

Кот зевнул, обнажив острые длинные клыки.

– Ты ведь сам знаешь – не имею права. Это вы со стариком Хранители, а я всего лишь Наблюдатель. Я живу на границе света и тьмы и не могу пересекать заповедную черту. Я и так превысил свои полномочия, когда излечил тебя. Боюсь, мне попадет за это.

По подоконнику забарабанили крупные капли.

– Дождь! – возликовал попугай. – Теперь колодцы наполнятся долгожданной влагой и люди будут спасены!

– Да, – согласился кот, – ты спас не только Алермо, но и весь Хайрем. Поздравляю.

– А ты? Неужели ты бы спокойно смотрел, как тысячи людей умирают от жажды? Ты, обладающий таким могуществом?

– Я Наблюдатель. – напомнил кот. – Не мне судить или миловать. Я лишь исполняю волю высших сил. А вот тебе не позавидуешь, твой хозяин дряхлеет прямо на глазах. Боюсь, его скоро заменят на более молодого и перспективного. А вместе с ним и тебя...

– Ну и пусть! – упрямо тряхнула головой птица. – Я честно исполнял свой долг. Да, мой хозяин стар, но раз уж так получилось, что от него зависит судьба всего архипелага – пусть так и будет. Я знаю одно – пока я Хранитель, буду защищать его до последней капли крови. И я рад, что мне доверили эту роль. Быть Наблюдателем не для меня!

Кот вздохнул и неторопливо покинул комнату.

А попугай вспорхнул на подушку к сопящему старику, нахохлился и замер. Он смотрел на спящего человека и глаза его блеснули влагой.

В отдалении послышался рокот грома, капли воды с утроенной силой забарабанили по подоконнику – начинался тропический ливень.

10.05.14

29 февраля

Из цикла «Хранители»

Похоже, эта девушка не знала, что такое комплексы. Под одобрительный хохот подвыпивших парней, она ловко запрыгнула на стол и, небрежно смахнув на пол лакированной туфелькой полупустую бутылку виски и несколько рюмок, закружилась в эротическом танце.

– Ты чего делаешь, дурында?! – недовольно закричал Вовчик, – Знаешь, сколько этот вискарь стоит?!

Но его голос потонул в восторженных воплях разгоряченных алкоголем ребят.

– Давай, Эллка! Отжигай!

– Раздевайся!

– Я хочу тебя, детка!

Вовчик надулся, громко шмыгнул носом и поплелся на кухню за половой тряпкой. На него никто не обратил внимание. Таков удел хозяина квартиры – убирать за гостями. Лишь Иван бросил сочувствующий взгляд ему в спину. Сам напросился. Мужу сорок два года, а якшается с сопливыми подростками. Сам Иван оказался на этой тусовке случайно. Просто, кроме Вовчика, других друзей у него не было. Приятели были, а вот друзей...

Девушка совершала на столе поистине цирковые упражнения: становилась на мостик, кружилась на одной ножке, садилась на шпагат, но при этом не забывала призывно вертеть попкой, нежно поглаживать себя по промежности и томно закатывать глазки.

Иван чувствовал сухость во рту, слишком давно у него не было женщины. Бесстыдница на столе жеманно освободилась от кружевной блузки и резко швырнула ее в толпу хохочущих парней. Те накинулись на блузку, как стая оголодавших бабуинов, вырывая её друг у друга и утробно рыча.

– Эй, уроды! – прикрикнула на них танцовщица, – Если порвете, я вас на ломтики порежу!

Глаза Ивана затуманились, он глядел на высокую белую грудь, едва прикрываемую тоненьким прозрачным лифчиком, отчетливо видел розовые манящие соски и дрожал от возбуждения. Странно. Никогда с ним такого не было. Он же не прыщавый подросток. Было время – менял женщин, как перчатки. Или всему виной длительное воздержание?

Когда красотка потянула вниз молнию на своих джинсах, Иван не выдержал. Отвернулся и бросился прочь, едва не сбив с ног какого-то тщедушного очкарика. Вот будет конфуз, если взрослый дядя изгадит штаны.

Хозяин квартиры угрюмо смотрел на него и старательно выжимал в раковину грязную половую тряпку.

– Видел акробатку?! Пузырь Johnnie Walker грохнула! Между прочим, черный лейбл! Чего теперь пить?! У меня от портвейна изжога!

– Кто она?

– Эта трюкачка? Так это... Эллка налетчица!

– Почему налетчица?

– Дура потому что. На спор булочную грабанула.

– Как это?

– Да так! Всем стоять! Это ограбление! На башку чулок натянула, в руки травматiku и вперед!

– И что? Не поймали?

– Один охранник дернулся, так она ему ляжку прострелила. Сумасшедшая баба. Всегда от нее одни неприятности.

Возбуждение постепенно отпускало. Иван закурил, небрежно поинтересовался:

– Давно её знаешь?

– Примерно год. Кто-то из парней притащил. Бывает у меня не часто, но если припрется – жди беды! Первый раз хрустальную вазу в дребезги – цены необыкновенной! Я неделю переживал, лучше бы продал! Другой раз люстру! Подпрыгнула, сука, и пяткой бац!

– Она что, спортсменка?

– Вроде того. В каком-то спортивном институте учится. Сама из Питера. А ты что на неё запал?

Иван поперхнулся дымом.

– С чего ты взял?

– По глазенкам твоим похотливым, – рассмеялся Вовчик, – Я же тебя, как себя знаю. Только, братишка, выкинь её из головы. Баба дикая и непредсказуемая. И с башкой не дружит. То голая скачет, то целку из себя строит. Я как-то по пьяни в ванную её затащил – хотел дрюкнуть. Так она мне кисть прокусила. Вон видел? Даже шрам остался.

Иван не успел ответить. За спиной раздался насмешливый голос:

– Мальчики, вы меня обсуждаете?

Вблизи она была еще желанней. Пухлые чувственные губы, огромные зеленые глазищи, длиннющие ресницы.

Сердце Ивана пустилось в галоп. Да что, черт возьми, происходит? Почему его так влечет к этой девице?

Элла забрала сигарету из его ослабевших пальцев, глубоко затянулась и, выпустив дым в лицо, поинтересовалась:

– Я тебя раньше не видела. Кто ты?

Иван глупо хмыкнул и выдавил что-то нечленораздельное.

– Немой, что ли? – Сочувственно скривила губки девушка.

Лицо Ивана стала пунцовым. Собрав волю в кулак, рявкнул:

– Нет!

– О! Говорящий. А кричать зачем? Я не глухая.

Он готов был провалиться сквозь землю. Эта девушка действовала на него как-то странно, подавляла и манила одновременно. Иван злился на себя, на нее, на несуразность ситуации. Хотелось бежать прочь и хотелось наброситься на неё. Голова пылала. Воздуха не хватало.

– Это мой боевой друг! – Пришел ему на выручку Вовчик. – Мы с ним в Чечне духов гоняли. Он мне жизнь спас. Боевой сержант, орденосец. Зовут Иван.

– Иван? – Огромные зеленые глазищи широко распахнулись, – Прикольное имя. Чем занимаешься, Ваня?

– Инструктор. – С трудом выдавил Иван.

– А-а-а. Учишь недорослей правильно жать на газ?

Вовчик громко заржал. А Иван только пожал плечами и вдруг неожиданно спросил:

– Пойдем ко мне?

Вовчик резко оборвал смех, страшно выпучил глаза и, пользуясь тем, что Элла стоит к нему спиной, многозначительно pokrutil пальцем у виска.

Иван и сам понял, что сморозил глупость. Попытался подобрать слова для извинений, но Элла неожиданно взяла его за руку и пристально глядя в глаза прошептала:

– Пойдем.

* * *

Элла сидела, уткнувшись личиком в колени тихо всхлипывала. Иван приподнялся на локте.

– Что с тобой? Ты плачешь?
– Ты считаешь меня шлюхой? – Девушка подняла голову. В тусклом свете ночника её зеленые глаза казались черными, бездонными.
– С чего ты взяла, глупенькая?
– Ты позвал и я пошла. Это неправильно. Но ты ошибаешься – я не такая. Просто ты мне понравился. Понравился как никто в этом мире. Почему я не встретила тебя раньше?
– Ты встретила меня сейчас.
– Поздно. Слишком поздно, Ваня. Я уезжаю.
– А как же твой институт?
– Теперь это не имеет значения.
– Я поеду с тобой! Ты ведь возьмешь меня?!
Элла громко расхохоталась. Но слезы покатались по щекам сильнее.
– Конечно, возьму! У тебя есть загранпаспорт?
– Нет. Но если надо сделаю.
Смех девушки перешел в истерический хохот.
– Сделай! И мы поедem в Антарктиду!
– Поехали! Я буду твоим пингвином, а ты моей пингвинихой!
Они оба хохотали, катались по мятым влажным простыням и снова хохотали.
– Что это? – неожиданно девушка коснулась кольца на безымянном пальце Ивана, – Ты что женат?
– Нет. Это проклятое кольцо. Подарок одного бомжа.
– Бомжа? Как романтично. Сними его.
– Это невозможно. Если только отрубить палец. Наверное, я когда-нибудь так и сделаю! Надоело проклятое!
– Дай я попробую! – Элла обхватила кольцо пальцами, напряженно хмурилась, тянула непослушную вещицу, кусала от усердия губки, – Не поддается! А если так? – девушка сунула палец Ивана себе в рот, горячий язычок коснулся фаланг. Иван зарычал от возбуждения, навалился на девушку сверху. По его лицу и спине тек пот, в глазах кружился огненный фейерверк, а сам он повторял, как заведенный:
– Я люблю тебя! Как я тебя люблю!

* * *

«Ваня, мне холодно, мне очень холодно». Лицо Эллы было бледным и осунувшимся. «Я не могу согреться».

– Я согрею тебя, любимая!

Иван и сам дрожал от холода. Непослушными пальцами потянулся к ее груди – пустота. Руки по локоть зарылись в ледяной обжигающий порошок. Что это? Снег? Он резко открыл глаза и зажмурился от яркого света. Он лежал на широкой плоской равнине. И да, это был снег. Белый, хрустящий, холодный. Осознание случившегося выплеснулось бешеной яростью:

– Будь ты проклят, сумасшедший старик! Будь проклят твой сказочный глупый мир! Будь проклято 29 февраля!

* * *

Это был високосный 2016 год. 29 февраля. Поздний вечер. Иван не пил, но в голове шумело, словно с похмелья. Слегка болело плечо – Челюсть все же достал его пяткой с разворота. Но это пустяки – он одержал убедительную победу. А Челюсть сам виноват – слишком самоуверен и прямолинеен для инструктора рукопашного боя. Когда он заявил, что не стоит

зря напрягать пацанов и лучше провести спарринг между ними, Иван не удивился. Челюсть был фанатом восточных единоборств и среди огромного разнообразия направлений и стилей кунг-фу, стиль Хоуцюань («кулак обезьяны»), считал верхом совершенства.

Иван успел подумать, что мужику за полтинник не так просто изображать из себя шустрого шимпанзе, когда Челюсть резко качнулся в сторону, издал дурацкий вопль примата и обрушил на него серию ударов. Дальше было не до размышлений.

Иван с усмешкой воспроизводил в памяти детали поединка, шагая по вечернему городу. Вспоминал, как Челюсть, получив несколько болезненных ударов, впал в ярость и попытался расправиться с ним, используя запрещенные приемы. Один из них назывался длинно и витиевато: «Обезьяна спускается с горы, она радуется, она сорвала персик». Скрюченная рука противника метнулась к паху Ивана, но вместо возжеленного «персика» встретила подставленное колено. Лоуто, сметающий блок ногой. Ответный туй-чжан и добивающий чунь-цюань в переносицу – чистая победа! Челюсть минут десять не могли привести в чувство.

Иван полной грудью вдохнул чистый морозный воздух. Где-то впереди раздавался довольный мужской хохот, видимо не только у него в этот день хорошее настроение.

Впереди замаячили темные фигуры. Судя по всему подростки. Четверо ржут, а пятый ползает перед ними на карачках. Эх, молодость – почему бы ни подурачится?

Лишь подойдя ближе, Иван понял, что ошибся. Человек в коленно-локтевой позе был далеко не молод. Длинная всклокоченная борода, морщины, синюшные мешки под глазами. И одет в какую-то рвань. Судя по всему бомж. Да и игры подростков представлялись теперь не так безобидно.

– Лай, чмо! – Тонко взвизгнул один из парней и отвесил старику смачный пинок по тощему заду, – Лай, падла!

– Добрые люди, – Всхлипывая проговорил бомж, – Я же не животное, а человек. Мне нельзя лаять...

– Ты животное! – Заорал на него другой подросток, – Грязная вонючая падаль! Лай, сука! – Он резко выбросил вперед ногу. Удар по лицу опрокинул старика на спину, из носа хлынула кровь.

Остальные хулиганы тотчас подскочили к несчастному и принялись усердно пинать.

Иван рванулся вперед, зычно крикнул:

– А ну прекратить!

Подростки резко обернулись. Ивану не понравилось, что на их лицах не было испуга. Видать придется повозиться...

– Ты чего, мужик, бомжелюб что ли? – Оскалился один из них.

– Нет, он просто бойскаут! – Хохотнул другой.

– Дяденька, вали отсюда по пырому! – предложил третий и небрежно вытащил из кармана нож. Щелкнула пружина и в свете фонаря блеснуло длинное лезвие. – А то ведь я попорчу тебе ливер.

Бомж пользуясь заминкой попытался уползти прочь, но четвертый подросток поставил ему на спину ногу в солдатском берце:

– Сидеть, Тузик!

Иван вздохнул. Конечно, это не Челюсть, а всего лишь прыщавые недоросли, но их четверо. Да и судя по наглým рожа́м – хулиганы со стажем.

Тем временем обладатель ножа приблизился к нему вплотную:

– Ты чего же молчишь, героический дядя? Или говном поперхнулся?

Остальные трое заржали.

Удай-туй, боковой удар ногой и подросток шмякается в сугроб на пятую точку, нож улетает в другую сторону. Остальные оцепенели. Наверное, их поразило то, что незнакомец даже не вытащил рук из карманов куртки, тогда как их товарищ сидит на снегу и тихо подвывает.

– Ни хрена себе! – прошептал один из них.

Стараясь деморализовать их еще сильнее, Иван неторопливо поднял нож и ласково подмигнул:

– А теперь я вас буду резать. Вы не представляете, как я это люблю. Кровь молодых бычков – что может быть слаще! А вы орите громче, чтобы усладить мой слух! Как же я люблю кровь! – С этими словами Иван сделал шаг к ним на встречу – Бандерлоги, подойдите ближе. Еще ближе...

Подростки попятились.

– Псих! – выдохнул один из них.

– Ближе, – Страшно прошипел Иван и демонически расхохотался.

Иван и сам не смог удержать смех, наблюдая, как хулиганы несутся от него прочь.

Бомж тихо застонал. Попытался сесть, но снова повалился на спину. Иван присел на корточки, зачерпнул пригоршню снега и оттер окровавленное лицо старика.

– Как ты, отец? Идти можешь?

– Пуха-Фуй, – Пробормотал бомж.

– О! Ругаешься – значит живой.

– Эллаах семьдесят пятый, – вяло откликнулся бородач.

– Рано Аллаха поминаешь. Мы еще повоюем.

Рот старика растянулся в усмешке. Он заговорил быстро, давась словами:

– 29 февраля года Тагоуса – великий день. Рождение Нового Хранителя. Эллаах семьдесят пятый уходит. Боги озаряют тропу новому борцу с Тьмой. Славься навеки Эллаах семьдесят шестой! Да пребудет с тобой свет синего кристалла!

– Бредишь, – решил Иван, – Видать крепко тебе досталось.

Бомж неожиданно протянул ему руку. Хрипло пролаял:

– Возьми! Надень!

В ладонь инструктора упало легкое как пушинка кольцо из странного серого металла.

Иван надел его на безымянный палец.

– Ого! Мой размерчик! Вот только зачем оно мне? Пожалуй, я откажусь от твоего подарка. – Однако сразу снять кольцо не получилось. А потом стало не до этого. Тело старика выгнулось дугой, а на губах запузырилась пена. Глаза бомжа, устремленные на Ивана, остекленели.

– Ты что помираешь?! – испугался мужчина, – Ты погоди! Не умирай!

Инструктор знал элементы оказания первой помощи, но все его усилия оказались тщетны. Через пять минут, он уставший и вспотевший звонил по мобильнику на известный номер «103». Звонил и понимал, что лежащему у его ног человеку уже никто и никогда не поможет.

* * *

Впервые этот бред случился ровно через год после встречи со странным старикашкой. К тому времени Иван оставил всякие попытки избавиться от невзрачного кольца. Оно намертво вросло в палец и сниматься не желало. Даже распилить его не получалось...

Иван лег спать 28 февраля, но проснуться первого марта ему не удалось.

Пробудило солнце. Жаркое и горячее оно немилосердно жгло затылок. Инструктор приподнялся, потянулся, открыл глаза и опешил. Вокруг него буйствовало лето. Именно буйствовало. От ярких сочных красок рябило в глазах. Зеленела трава, порхали разноцветные бабочки, а вдалеке синели реки и озера.

– Допился, – прошептал Иван, но тут же усомнился. Да, вчера был банкет по случаю выпуска очередной партии лицензированных охранников, но он выпил максимум грамм двести хорошего коньяка, ну еще пивка хлебнул немного. Тогда почему вокруг лето?

От размышлений его отвлекло деликатное покашливание. Иван повернулся в сторону звука и вздрогнул от неожиданности. В нескольких метрах от него на корточках сидело странное существо. Именно существо, потому что назвать ЭТО человеком было нельзя. Кругленькая мордочка с оттопыренными ушками больше всего напоминало персонажа аниме. Огромные голубые круглые глазища только дополняли сходство.

Увидев, что человек заметил его, существо встало на ноги и оказалось примерно по грудь Ивану. Пухлые розовые губки зашевелились и человек услышал:

– Славысь во веки веков, лорд Хранитель.

По голосу Иван не смог определить, какого пола это создание. Да и одежду можно было трактовать двояко. Но судя по розовой юбке – это была особь женского пола.

Иван, кряхтя, встал и вдруг обнаружил, что абсолютно гол. Вот так дела! Он в костюме Адама, а рядом стоит какая-то сказочная баба и пялится! Неловко прикрыв ладошкой срам, Иван смущенно сказал:

– Это... слушай. Не знаю, как я тут очутился, но мне право неловко... Я в таком виде...

– Все готово, лорд Хранитель! – Поклонилось существо и подало ему плотно сложенный брикетик из тонкой голубой ткани. Развернув его, Иван обнаружил просторный балахон. Все же лучше, чем ничего. Балахон доходил ему до колен и больше всего напоминал ночнушку. Но Иван был рад и этому.

Одевшись, он небрежно поинтересовался:

– Выходит, ты меня знаешь?

– Конечно! – откликнулось существо, – Вы, Эллаах семьдесят шестой! Новый лорд Хранитель!

– Спасибо, что не Йагупоп семьдесят седьмой, – Хмыкнул Иван и вдруг остолбенел. Точно! Он уже слышал раньше это имя! Ну конечно! Год назад те же слова произнес сумасшедший бомж перед смертью!

– Постой, – медленно протянул Иван, – Скажи, какое сейчас число?

– 29 февраля! – Тотчас откликнулся персонаж аниме.

Человек тяжело сел на траву и нервно рассмеялся.

– С вами все в порядке, лорд Хранитель?

– Не обращай на меня внимания, – махнул рукой Иван, – Я новенький. Так что введи меня в курс дела.

– С превеликим удовольствием, – поклонилось существо и принялось рассказывать. По мере этого рассказа, лицо человека все больше мрачнело.

Оказалось, что Иван отныне Хранитель некой страны с неприличным названием Пуха-Фуй и должен по мере сил и возможностей защищать эту страну от бед, и что доблестные пуха-фуйцы могут призвать его лишь один раз в год, 29 февраля. Но самое неприятное заключалось в том, что Хранитель мог покинуть пуха-фуйский мир лишь после победы над злом. Для этого надо коснуться кольцом магического синего кристалла. Только кристалл жутко умный и не выпустит человека, если тот не покарает свалившуюся на пуха-фуйцев напасть.

Вот так Ваня и стал Хранителем.

Встретившее его существо оказалось мужиком. И не просто мужиком, а доблестным рыцарем с благородным именем Альдагей. На вопрос почему рыцари сами не сражаются со злом, ушастый ответил, что оружие настоящего рыцаря это доброе слово, но враги почему-то его не хотят слушать.

Иван ответил добряку, что имя Альдагей ему очень подходит, после чего скомандовал:

– Ладно! Веди в свою голубятню!

В тот год Ванюше пришлось защищать малахольных жителей от чудовищного дракона величиной со стандартную хрущевскую пятиэтажку. Откуда он взялся на многострадальной земле пуха-фуйцев, никто не знал. Может ветром надуло, а может одна из местных ящериц мутировала. Чудовище вылезало из озера и кушало аборигенов много и с удовольствием. Пока несчастные дождались наступления 29 февраля, лохнесское чудовище сократило население едва ли не наполовину.

Идти на такого монстра в лобовую было равносильно самоубийству. Поэтому Иван заявил ушастому рыцарю, что желает осмотреть диспозицию. На самом деле он слонялся по горам и лесам, нещадно матеря бомжеватого старика вместе с его трижды проклятым кольцом. Тогда он и наткнулся на шестигранные кристаллы селитры. Три курса химико-технологического института не пропали даром. Найти серу и древесный уголь оказалось несложно. Бомбочка получилась что надо – жახнула так, что у ближайших домов снесло крыши, а у мельниц отвалились лопасти. Сам Ваня оглох минут на сорок, но и прожорливая рептилия всплыла из глубин озера кверху брюхом, впрочем, как и вся остальная живность, но это уже мелочи.

Второй раз многострадальные пуха-фуйцы вытянули его из мягкой постели на борьбу с полчищами зеленых гоблинов. Злых, но весьма слабых. В местной кузнице Ваня заказал солидный двуручник со смещенным центром тяжести, залил в полое лезвие ртуть и принялся косить захватчиков, словно сорную траву. Даже вспотеть не успел, как подлые пришельцы опознали в нем бога войны и поспешили унести ноги.

И вот третий раз!

Иван зарычал от злости. Встал, отряхиваясь от налипшего снега. Спасибо хоть не голый, а в кольчуге.

– Где ты, ушастый?!

– Я здесь! – тотчас откликнулся Альдагей. В руке он держал меч Ивана. – Славься, лорд Хранитель!

– Что за фигня?! – напустился на него человек, – Почему я здесь?! Почему снег?! До 29 февраля еще полгода! Сегодня 31 августа!

– Сегодня 32 августа, – осторожно заговорил рыцарь. – Жрецы молились богам и те даровали нам еще один спасительный день. А снег... снег, потому что зима. В августе всегда зима.

– Все через задницу в вашем фуйском мире! Если бы ты знал, чебурашка от какой чудесной женщины ты меня увел! Чего на этот раз стряслось?

– Зеленая ведьма и ее слуги...

Иван забрал у понурого Альдагея оружие и зашагал прочь.

– Осторожно, лорд Хранитель! – закричал тот, – Зеленая ведьма очень опасна! Она захватила уже шесть миров!

– Я разберусь!

* * *

Они мчались на него со свистом и гиканьем – всадники в зеленых доспехах.

Первых трех он свалил двуручником вместе с конями. А потом произошло странное. Один из врагов нанес ему удар по голени, другой ловко выбил из рук меч, а третий, крутанувшись на носке, смачно врезал пяткой в челюсть.

«Что это? Классическое кунгфу в фэнтезийном мире? Я сплю или сошел с ума?».

Инструктор рукопашного боя стоял на коленях, сплевывал кровь на снег и косился подбитым глазом на здоровяка с огромным мясницким топором.

- Ну что застыл, сука? Руби меня! Придется пуха-фуйцам искать нового Хранителя...
- Тебя хочет видеть королева. – Отозвался здоровяк.

Королева? Вот как. А вот, кажется, и она. Идет сюда гордая и надменная. Зеленые волосы развеваются на ветру. Почему он не удивлен?

Разбитые губы растянулись в усмешке:

- Ну, здравствуй, Эллка Налетчица.

* * *

Они сидели на берегу лесного озера. Элла положила голову на его плечо и говорила:

– Волосы я выкрасила, потому что в этих мирах зеленый – цвет беды. Я ведь ведьма, Ваня. Тебя затащил сюда бомж, а меня колдунья. Ты светлый герой, а я порождение тьмы. Но ты счастливее. Ты появляешься в этом мире раз или два в год, а меня затягивает все глубже. В редкие дни на Земле, я отрываюсь по полной: скачу голой и граблю булочные. Если бы ты знал, как я ненавижу эту злую сказку! Я разрушаю местные миры и пытаю жрецов в надежде найти портал на Землю. Найти, чтобы вновь обрести себя. А тебя я, конечно, отпущу. Коснись кольцом кристалла и ступай прочь. Только прошу – вспоминай меня иногда...

Иван улыбнулся, легко снял кольцо с пальца и небрежно швырнул в озеро.

- Прощай, подарок бомжа.

– Что ты сотворил, сумасшедший?! – глаза женщины расширились от ужаса. – Без него портал не работает!

- Мы найдем новый портал вместе. Найдем или останемся здесь навеки.

Женщина заплакала:

- Почему? Почему ты это сделал для меня?

– Почему? – Иван рассмеялся. – Потому что я искал тебя всю жизнь. Ты же моя Элла, а я твой эллаах...

Апрель 2015

Дама в черном

Доктор Стреджест любил свою работу. Два года назад он сбежал из объятых «революцией» Канзаса в этот захолустный городок на окраине Техаса, опрометчиво поверив главе Конфедерации о правящей букве закона на территории двадцать восьмого штата. Увы. Закона здесь не было. В первый же день пребывания, он стал свидетелем жестокой перестрелки пьяных фермеров и сам едва не поймал «железную пилюлю» в живот. Местный шериф тогда со смехом поинтересовался, не желает ли заезжий лекарь немедленно покинуть их гостеприимный городок? Но Стреджест лишь стиснул зубы, отрицательно покачал головой и бросился оказывать помощь раненым. С тех пор прошло два года. Городок разрастался и уже насчитывал более пяти тысяч жителей и Стреджест настойчиво требовал от администрации разрешение на строительство больницы. Однако мэр лишь глумливо выпускал в лицо эскулапа клубы вонючего сигарного дыма и с напускным сожалением цедил: «При всем уважении, док, денег нет».

Сейчас, вспоминая неприятный разговор, Стреджест хмурился и вполголоса бормотал проклятия. «Денег у них нет. На пять тысяч жителей два салуна и три борделя, а дома милосердия нет! Что прикажете делать? Президенту Пирсу писать?»

Руки его дрожали от злости, когда он высыпал на жестяную горелку приготовленные порошки. Что поделаешь, провизора в городе не было и приходилось готовить лекарства самому. «Все! Надо взять себя в руки! Я спокоен. Я очень спокоен. Так, кладем листья Коки, добавляем мочевины и малоновую кислоту, зажигаем горелку. Отлично. Теперь засекаем время, иначе вместо обезболивающего получим слабительное...»

Стреджест привычно потянулся к жилетке, чтобы достать золотые карманные часы, но тут же с проклятием отдернул руку. Как он мог забыть? Ведь еще три месяца назад он проиграл их в покер Ричарду Мелу!

«Это склероз! Три месяца прошло, а я всё шарю у себя на брюхе! А все потому что эти часы были мне так дороги! Проклятье!»

Стреджест треснул кулаком по столу и громко закричал:

– Генри! Беги скорее сюда и захвати большие песочные часы! Эй, Генри! Ты что не слышишь, паршивец?!

Однако Генри – сынок шерифа, которого Стреджест пообещал обучить азам лекарской профессии, не спешил идти. Доктор кряхтя вылез из-за стола и направился в подсобку. Где еще искать несносного мальчишку? Только в подсобке.

У Генри, по мнению доктора, была одна дурацкая страсть. Он собирал вырезки из газет о всяких необычных, таинственных и фантастических происшествиях. А этого добра в газетах хватало! Уже сейчас подшивка Генри насчитывала больше двухсот таких заметок.

В подсобке мальчугана не оказалось. Зато подшивка была на месте. Стреджест брезгливо полистал её, усмехаясь нелепым заголовкам: «Зеленые человечки в Лос-Анжелесе!», «Индийский вождь самовоспламенился на приеме в Белом доме!», «Канзасский поезд вознесся в облака!».

Неожиданно для себя доктор стал комментировать заголовки:

– Вознесся говорите? Наверное, бандиты переборщили с динамитом! «Женщина из Аризоны родила поросенка!» Видимо её муж был редкая свинья! «У полковника Адамса растет вторая голова!» Второй подбородок у него растет, а не голова! А это что? «Смерть опоздала на три минуты!» Чего это она опоздала?

Стреджест пробежал заметку глазами.

«Сегодня днем наш корреспондент стал очевидцем удивительного происшествия! В салуне Сэнди Бишера произошла безобразная потасовка между известным ганфайтером Дагом Макуоли по прозвищу „волк“ и сыном преуспевающего золотопромышленника из Кентукки сера Бенджамина Боллиса. По словам посетителей салуна, младший Боллис обвинил Макуоли в карточном шулерстве и прилюдно надавал последнему пощечин. Охотник за головами пришел в ярость и тут же вызвал своего обидчика на дуэль. Напрасно свидетели просили Пита Боллиса, так звали юношу, принести Макуоли извинения, тот „закусил удила“ и не желал никого слушать. Дуэлянты вышли на улицу и по сигналу выхватили оружие. Разумеется „Волк“ достал свой кольт раньше, ибо об этом охотнике ходят слухи, что он стреляет быстрее, чем иные успевают моргнуть. Так и получилось. Грянул выстрел и младший Боллис упал на землю с простреленным сердцем. И вот тут начинается невероятное. Когда все посчитали юношу мертвым, он вдруг неожиданно поднялся на ноги и заявил, что с ним все в порядке. Между тем в его груди зияла дыра величиной с голову кролика! „Счастливица“ окружила толпа любопытных, иные даже сунули пальцы в огромную рану, чтобы убедиться в ее существовании. Все были необычайно удивлены. Даже Макуоли с недоумением разглядывал свой кольт не в силах поверить в случившееся. Один из очевидцев, подвыпивший фермер предположил, что видимо Смерть в это время отлучилась по нужде и пропустила начало дуэли. Это заявление было встречено громким хохотом всех присутствующих, смеялись даже Боллис и Макуоли. Юноша при всех попросил у ганфайтера прощение, а тот поклялся, что никогда впредь не поднимет руку на человека, которого помиловала сама Смерть. В этот момент на улице появился преподобный Стефаний. У него очевидно была своя версия происшедшего. Ткнув пальцем в сторону Боллиса, он закричал: „Хватайте его! Это дьявольское отродье! Вампир! Его возьмет только серебряная пуля! Смотрите! Из раны не льется кровь!“. И тут произошло ужасное! Глаза юноши остекленели, а из раны низвергнулся фонтан крови, забрызгав всех окружающих. Он повалился на землю и остался недвижим. Без всякого сомнения, он был мертв. Позже шериф сказал, что точно засек время дуэли. По его словам Смерть опоздала на три минуты. А может быть прав преподобный отец и все гораздо страшнее? Темной лунной ночью Пит Боллис выбирается из могилы и...»

Стреджест швырнул подшивку на пол. «Ну и бред! Одни идиоты пишут, другие идиоты читают!» В этот миг чувствительный нос доктора уловил неприятный запах гари. Проклятье! Как он мог забыть?!

Вернувшись в комнату, он обнаружил на горелке лишь потрескивающие и чадающие угольки. Сколько трудов насмарку!

В бессильной ярости Стреджест смахнул горелку на пол и с остервенением принялся топтать ногами.

«Проклятый Мелоу! Забрал часы и не поморщился! А кто виноват?! Ты сам виноват безмозглый Юджин! Знал ведь что у Мелоу нельзя выиграть, а все равно сел с ним играть! А Мелоу подлец! Скотина! Шулер!

Доктор с трудом перевел дух. Что толку ругать человека, который давно в могиле. Он был неизлечимо болен. Чахотка сожрала его легкие скорее, чем пламя сжигает сухое палено. А он, Юджин Стреджест, ничем не смог помочь ему. К сожалению, есть болезни перед которыми медицина бессильна...

От горестных размышлений врача отвлек звякнувший колокольчик на входной двери. Обернувшись, доктор почувствовал, что волосы зашевелились на его голове. На пороге стоял Ричард Мелоу живой и невредимый. Он смотрел на Стреджеста и улыбался...

Спазм перехватил глотку доктора, не в силах произнести ни слова, он лишь вытянул в сторону гостя дрожащий палец.

– Здравствуйте, док! – Приветствовал его Мелоу. – Не бойтесь. Я не приведение.

– Вы... Вы... Вы мертвы....

Мелоу рассмеялся:

– И сказал Иисус Фоме: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои; Поддай руку твою и вложи в ребра мои; И не будь неверующим, но верующим».

Мелоу шагнул к доктору, но тот в ужасе попятился от него. Споткнулся о стоящий за спиной стул и упал, больно приложившись об пол копчиком.

– Осторожнее, док! – Мелоу поспешил к нему, ухватил сильной рукой за шиворот и рывком поставил на ноги. – В вашем возрасте надо быть аккуратнее.

Спокойный голос «воскресшего» и режущая боль в пояснице благотворно подействовал на лекаря.

– О каком возрасте вы говорите? Мне только пятьдесят... А вам помнится за шестьдесят...

– Шестьдесят пять, если быть точным. – Кивнул «мертвец».

– Но... но, все таки я не понимаю... Ведь вы должны были умереть?

– Да, должен был. Помнится, вы отмерили мне месяц жизни.

– Я соврал! Вам оставалось не больше недели!

Мелоу кивнул:

– Вы были правы. Каждый день, выблевывая по куску легких, я чувствовал приближение смерти. Помните, как я хотел ее встретить?

– Да. Вы говорили, что хотите умереть за карточным столом...

– Именно так. Страсть к покеру заставила меня покинуть этот город. Здесь никто не желал садиться со мной за стол.

– Конечно! Таких идиотов в Техасе не осталось! Я был последним!

– Поэтому я поехал в ваш родной Канзас.

– Бог с ним с Канзасом! Я не понимаю, как вам удалось выжить! Ведь это невозможно!

– И тем не менее я жив.

– Нет! Это невероятно! Позвольте, я осматрю вас?

– Конечно, доктор.

Мелоу снял пиджак и рубашку. Стреджест торопливо схватил слуховую трубку и приложил ее к обнаженному торсу несостоявшегося мертвеца.

– Пожалуйста, дышите глубже!

До боли вдавив другой конец трубки в собственное ухо, Юджин напряженно вслушивался, надеясь уловить хоть малейший признак патологии. Ничего!

Через пять минут доктор обессиленно уронил деревянный стетоскоп на пол и горестно констатировал:

– Я ничтожество... Я бездарный лекарь... Я немедленно сворачиваю свою практику...

Мелоу поднял слуховую трубку, вложил в руки врача и спокойно сказал:

– Вы прекрасный доктор. Весь Техас это знает. Я должен был умереть, но меня спасли Божье милосердие и, наверное, мое умение играть в покер...

– Черт возьми! При чем здесь покер!

Мелоу поморщился:

– Не ругайтесь, доктор. С некоторых пор я не переносу это слово. Я, знаете ли, стал ревностным католиком. Каждый день посещаю церковь.

– Это похвально! Но как вы выжили?!

– Я расскажу вам. Возможно, моя история спасет еще одну заблудшую душу. Давайте присядем?

– Конечно-конечно! Садитесь! Виски, бренди?

– Кофе, если можно?

– Мир точно сошел с ума! Ричард Мелоу отказывается пропустить стаканчик!

– Я стал другим.

Неспешно прихлебывая обжигающий ароматный напиток, Мелоу начал свой рассказ:

– Три месяца назад я пришел к вам на прием. Я был очень плох. Вы пообещали мне еще месяц жизни, но я прочел в ваших глазах ложь. Я понял, что не протяну и недели. Но поскольку я твердо решил умереть за карточным столом, то мне ничего не оставалось, как ехать в Канзас...

Напрасно я надеялся на неосведомленность канзасцев по поводу своей персоны. Моя известность обогнала меня. Я сыграл лишь пять партий, когда всем горожанам стало известно, что их посетил сам Ричард Мелоу. «Мистер Покер», так называли меня. За стол со мной больше не садились...

Медленно текли серые унылые дни. И вместе с ними утекала моя жизнь.

В то утро, пятого июля, я проснулся в холодном поту, сотрясаемый мучительным ознобом. Моя подушка была мокрой от крови. Тогда я отчетливо понял – это мой последний день на земле. Сегодня я предстану перед Всевышним. Признаюсь, тогда я не очень верил в его существование.

С трудом я сполз с кровати и подошел к зеркалу. Душераздирающее зрелище: на меня смотрел бледный, тощий, изможденный старик с тусклыми воспаленными глазами, трехдневной щетиной и черной запекшейся кровью на подбородке. От собственного мерзкого вида у меня случился приступ мучительного кашля. Я упал на четвереньки и, подобно брехливому псу, долго надрывно лаял, разбрызгивая по полу кровавые сгустки. Похоже, я потерял сознание...

Когда я очнулся, был уже день. С трудом переставляя отяжелевшие ноги, я умылся, тщательно побрился и одел новую накрахмаленную рубашу. Смерть нужно встречать в чистом...

Несмотря на ранний день в салуне уже был народ. На трех столах во всю резались в покер. Удивительно, но вид мелькающих карт, вороха мятых денежных купюр и напряженные лица игроков, действовали на меня как целительный бальзам. Я буквально носом чувал непередаваемый запах игры в котором смешались страхи, надежды, отчаяние, безудержная радость и убийственный азарт.

– Привет, Дик! – Окликнул меня хозяин салуна Сэнди Бишер. – Паршиво выглядишь! Краше в гроб кладут!

– Да, Сэнди, дела мои неважны. Есть с кем перекинуться?

– Прости, старина, ты немного опоздал! Сегодня приехал один богатенький петушок с Востока, но его уже перехватил Даг и сейчас ощипывает!

Даг Макуоли видимо почувствовал, что говорят о нем. Он поднял голову и слегка кивнул мне. Верхняя губа изогнулась в усмешке, обнажив длинный желтый клык. Может за это он получил свое прозвище – «волк»? А еще в его желтых глазищах я прочел скрытое предупреждение: «Не суйся, парень! Это моя добыча!»

Я кивнул ему в ответ и вновь обратился к Сэнди:

– Дружище, ты не представляешь, как мне хочется сыграть хоть партию. Может это последняя игра в моей жизни...

– Все так плохо?

– Даже хуже, чем ты думаешь.

Бишер печально развел руками. – Ты же знаешь, Дик, твоя репутация...

– Я знаю, дружище! Но если кто-нибудь придет, прошу, направь его ко мне! Я в долгу не останусь!

Сэнди уныло кивнул. Стараясь не замечать его сочувствующих взглядов, я уселся за свободный столик и с самым невозмутимым видом принялся тасовать колоду. И тут появилась ОНА... Дама в черном.

Ее появление было настолько неожиданным, что я вздрогнул. Она стояла у стойки бара и не мигая смотрела на меня. Я был готов поклясться, что еще секунду назад ее там не было.

Она была очень красива. Высокая стройная, с узкой талией и тонкими изнеженными пальцами, в которых она держала длинный черный мундштук с дымящейся сигарой. Да, она была безумно красива, но от ее красоты веяло могильным холодом. Несмотря на июльскую жару, по моей спине струйкой потек ледяной пот. А еще, мне показалось странным, что никто в салуне не отреагировал на ее появление. И это в маленьком городишке, где любой приезжий тотчас становится объектом пристального внимания.

Незнакомка тем временем направилась ко мне. Мне казалось, что она плывет, настолько грациозной была ее походка. Черное траурное одеяние лишь подчеркивало ее удивительную бледность. Из под черной шляпки с небрежно брошенной поверх вуалью, на меня смотрели черные масляные глаза в обрамлении пушистых ресниц.

– Вы позволите? – Спросила она низким грудным голосом.

С трудом проглотив подступивший к горлу комок, я промямлил в ответ:

– Конечно, мисс...

Она несколько мгновений постояла возле столика, видимо ожидая, что я вскочу и ото-двину ей стул, но я тупо продолжал сидеть. Ее пухлые губы растянулись в презрительной усмешке. Усевшись напротив меня, она выпустила мне в лицо струю сигарного дыма. Этот табак показался мне отвратительным. У меня даже закружилась голова. А еще у него был очень знакомый запах, чего-то очень далекого страшного, из моего прошлого. Но чего? Я не как не мог вспомнить.

– Что за табак у Вас, мисс?

– Вам не нравится?

– Нет!

– Это мескалерский табак... Называется «Гнев Тачекумте»...

Словно молния пронзила мое сознание, а волосы на голове зашевелились. Как в тот памятный день, когда нас с Сандерсом взяли в плен апачи. Я мгновенно пережил весь ужас двенадцатилетней давности, когда стоял привязанный к столбу пыток, а моего друга сжигали на медленном огне. Проклятые дикари втыкали в его обнаженное тело деревянные щепки и поджигали их. Сандерс орал от невыносимой боли, а я, похоже, тоже орал, от ужаса!

Тачекумте! Так звали того вождя – изверга, что издевался над нами! Я точно это помню! А еще я вспомнил этот запах! Так пахнет сгоревшая человеческая плоть!

Но откуда эта дамочка могла знать? Да нет! Совпадение! Случайность!

Нарочито грубо я сказал:

– Леди, я прошу Вас не курить! Я очень болен!

– Да. – Согласилась она. – Вы умираете.

Она сказала это так спокойно и утвердительно, словно являлась моим лечащим врачом. В подтверждение ее слов у меня начался приступ кашля. Я согнулся пополам, орошая свой носовой платок кровью. А она неторопливо затушила сигару в глиняной пепельнице, не сводя с меня своих черных глаз. В них не было ни капли сострадания.

– Господи. – Прошептал я. – За что мне все это?

– За грехи, милый. За грехи. ОН давал вам возможность покаяться, но вы ЕГО не услышали.

Внезапно я ощутил прилив бешеной злости. Я всегда весьма вольно обращался с женщинами, считая, что они стоят на много ступеней ниже мужчин и стоят гораздо дешевле доброго кольта или верного коня. А тут пасую перед какой-то девчонкой, годящейся мне в дочери!

– Что Вам нужно, сударыня? Я игрок! Жду партнеров по покеру! Если у Вас ко мне дело – говорите! А нет, так уберите к черту!

– Тот, кого вы помянули, уже ждет вас, а я появилась здесь, чтобы ненадолго оттянуть эту встречу, а заодно немного придавить ваше непомерное самомнение. Ведь вы считаете себя лучшим игроком в покер.

– Может, есть и лучше, – я нагло усмехнулся. – но я не встречал.

– Так давайте сыграем.

– Мне?! С Вами?!

– А чему вы так удивились? Или вы думаете, что только мужчины умеют играть в покер?

– Отчего же. Мне как-то приходилось играть с дамами в Робстауне, говорят, именно там изобрели эту увлекательную игру. Но скажу по чести, играли они паршиво.

– Так мы играем?

– Что же, можно и сыграть.

Честно говоря, присутствие этой странной особы действовало на меня удручающе. От нее исходила такая волна холода, что мне хотелось накинуть на плечи теплую куртку. И это несмотря на июльский зной. Все в салуне обливались потом, а у меня зуб на зуб не попадал. Я приписал этот факт прогрессирующей во мне болезни. И все же мне очень хотелось, чтобы она ушла. Чего греха таить – мне было страшно. Необъяснимо страшно. Я хорохорился, усмехался сквозь зубы, но все это было напускное. Я боялся свою соседку по столику.

Внезапно меня осенило, как можно избавиться от этой гостьи.

– Можно и сыграть. – Повторил я. – Но учтите, сударыня, я играю по крупному! Начальная ставка сто долларов!

Я надеялся, что услышав такую невиданную сумму, она покрутит пальцем у виска и немедленно ретируется. Но не тут-то было.

– Я согласна.

«Видимо придется играть. Что же, старина Дик, ведь ты затем и пришел сюда. Интересно, где она прячет деньги? Сумочки у нее нет».

– Денег у меня с собой нет.

Я презрительно фыркнул:

– Простите, мисс, но я не играю в долг!

– Зато у меня есть вот это. – Она сняла с пальца перстень и протянула мне.

Странный это был перстень. В черный матовый металл был вделан черный камень и он внутри светился призрачным голубым огнем. В жизни я не видел ничего подобного. Я прикоснулся к камню пальцем, но тотчас одернул руку. Я почувствовал ожог. До сих пор не знаю, был ли он горячим, или настолько холодным, что обжигал. Я с опаской положил перстень на стол.

– Интересный камешек. Похоже дорогой?

– Гораздо дороже, чем вы думаете.

Я вытащил бумажник.

– Простите, леди, я дам Вам триста долларов в залог. Больше не могу, иначе мне не на что будет играть.

Когда я протягивал ей деньги, руки мои тряслись. Но я ничего не мог с собой поделать. Я страшно злился на себя. Я улыбался, как ни в чем не бывало, даже пытался насвистывать веселый мотивчик. Но нервы мои были натянуты, как гитарные струны.

– У Вас траур, сударыня? – Развязно спросил я. – По кому, если не секрет?

– Не секрет. – Спокойно ответила она. – Сегодня по Вам... и еще по одному молодому человеку в этом городе.

Я чуть не поперхнулся. Да, юмор у этой особы был под стать ее одеянию. Я только скрипнул зубами.

– Какой покер предпочитаете? Стад или простой?

– Простой.

Я взял колоду и принялся тасовать.

– Интересно, что такая красивая особа, как Вы, делает в этом захолустном городишке?

– Отдыхаю. Иногда хочу почувствовать себя женщиной. Быть ветреной, взбалмошной, азартной.

– О! Азарт это я понимаю! Потому всю жизнь и играю в покер! Делаем ставки, мисс!

Она лениво бросила на стол стодолларовую купюру. Поистине королевский жест. Заработная плата ковбоя за полгода!

Я раздал по две карты. Мне достались король и дама. А ей? Я слишком хорошо знал свою колоду, чтобы не сомневаться: девочка получила двух тузов! Едва заметная улыбка промелькнула на ее бледном личике. Ну, порадуйся– порадуйся. Скоро тебе будет не до смеха...

С самым сокрушенным видом, на который был только способен, я выложил три карты в открытую: туз, четверка, десятка...

На ее щеках промелькнул румянец, или мне показалось? Что-что, а блефовать я умею. Я погрузился в наигранное раздумье. Потом нехотя бросил на стол еще сто долларов. В моем голосе ясно читалось сомнение:

– Пожалуй, повышу ставку...

– Я тоже! – С готовностью откликнулась она.

– Скажите, мисс, как Вас зовут? Меня, вижу, Вы хорошо знаете, а кто Вы?

– Я думала вы догадливей. – Холодно ответила она. – Я назову вам свое имя после игры. А сейчас «Мистер Покер» продолжим.

Я кивнул и вытащил из колоды туза! На бледном лице не отразилось никаких эмоций, но я чувствовал ликование в ее душе.

В этот момент меня отвлек шум за соседним столиком. Приезжий молодой человек возвышался над Дагом Макуоли и лицо его кривилось от злости. В наступившей тишине раздался его звонкий мальчишеский голос:

– Вы шулер, сэр!

«Волк» медленно встал.

– Что ты сказал, сынок? Повтори.

– Я сказал, что Вы шулер и подлец! Откуда у Вас взялся второй туз?!

– Из колоды, дубина! – Процедил «Волк». – Если ты не безглазое лошадиное дерьмо, то должен был видеть это...

– Мерзавец! – Взвизгнул парнишка и попытался вклепить Макуоли пощечину, но тот легко перехватил его руку и толкнул в грудь. Паренек упал на пол вместе со стулом под громкий хохот окружающих. Но тот час вскочил и заорал на весь салун:

– Дуэль! Я вызываю вас на дуэль!

Подскочивший на шум Бишер попытался успокоить приезжего:

– Не надо дуэлей, мистер Боллис! Поверьте, Даг всегда играет честно!

– Вранье! – Не согласился молодой человек. – Я видел, как он вытащил туза из рукава!

– Сэнди! – С шипением процедил «волк». – Наше оружие!

– Прошу Вас, джентльмены! – Заголосил хозяин салуна. – Успокойтесь! Не нужно ссориться! Мистер Боллис ошибся и сейчас извиниться!

– Я извиниться?! Никогда!

– Сэнди! Я сказал оружие! – Рывкнул «Волк».
Бишер обиженно шмыгнул носом и побрел прочь.

– Эй, «Мистер Покер» вы что уснули?
Голос дамы в черном вернул меня к действительности.
– Простите, мисс. Вы видите, что там происходит?
– Вас это не касается. Продолжим игру.

Поразившись ее бездушию, я швырнул на стол сто долларов. Она в ответ положила на ворох банкнот свою последнюю купюру.

А к забиякам уже вернулся Бишер. Он принес оружие. У мальчишки оказался маленький «дерринджер». По сравнению с огромным кольцом «Волка» он смотрелся смехотворно. Но никто вокруг не засмеялся. Все уже поняли, что сейчас произойдет убийство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.